

Вместе с тем именно этого вывода Моретти не делает. На последних десяти страницах на примере героев Ибсена он внезапно резко обособляет класс буржуазии, сводя его, как представляется, только к классу предпринимателей (во всяком случае все примеры здесь относятся к чисто деловым коллизиям). Он утверждает, что буржуазия индустриального века, переместившись в «серую зону», стала метафоризировать мир, переводя его с языка прозы, «самой буржуазной», как говорит Моретти, формы высказывания, на своего рода поэтический язык, и тем самым разрушать его. Утверждение это по сравнению с общим корпусом книги выглядит как минимум неожиданным и малообоснованным, а весь текст приобретает несколько разомкнутый, незаконченный вид, что, вероятно, естественно для находящейся в разработке гипотезы, но сильно сбивает с толку.

Несмотря на чувство недосказанности концепции и недоработанности ме-

тода, книга Моретти демонстрирует новизну уже в постановке вопроса. Предложенный автором метод может служить хорошим инструментом демаркации. Как минимум здесь вполне исчерпывающе излагается, что такое средний класс — экономически, этически и этимологически, — что способно положить конец довольно бесплодным дискуссиям о предмете. Кроме того, приводя два определения буржуазии — буржуазия собственности и буржуазия культуры (*Besitz- и Bildungsbürgertum* Хобсбаума), он вписывает в разговор о среднем классе творческих работников и интеллигенцию (интеллектуалов, если угодно), которые порождают массу затруднений у догматических марксистов. Таким образом, книга Моретти — не исчерпывающий проблематику труд (на чем и сам автор совершенно не настаивает), а пролог к большой и увлекательной дискуссии, в последние десять лет снова ставшей чрезвычайно актуальной.

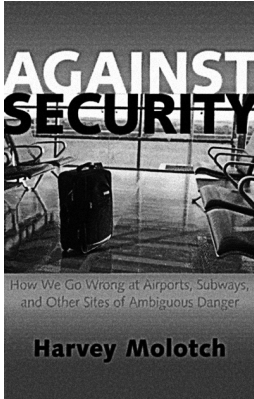
Артем Рондарев

Out of Frame

У Вальтера Беньямина есть откровенно сексистское эссе «Девушки и книги», где вдруг оказывается, что между девушками и книгами много общего. Например, их обеих можно брать с собой в постель. Но Беньямин не упомянул того, что девушку и книгу можно также брать с собой в туалет. И тот же туалет позволяет — за закрытыми дверями — использовать и девушку, и книгу так, как они того, возможно, не хотели бы.

Каких-нибудь британских ученых однажды наверняка ждет социологическое открытие, что управлением книг в сорти-

рах занимаются женщины и что между ними — книгами и женщинами в сортирах — есть странная корреляция: если социальный и образовательный статус женщины ниже того, на который она претендует, то в сортире лежит книга, которая должна читаться, с ее точки зрения, той группой, на принадлежность которой она претендует. У одной моей комплексующей по поводу слабой самореализации подруги в туалете десять лет лежал постепенно тающий в объеме роман «Смилла и ее чувство снега», тогда как у подруг, таких проблем не испыты-

Harvey Molotch.

Against Security: How We Go Wrong at Airports, Subways, and Other Sites of Ambiguous Danger. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012. — 280 p.

вающих, в уборных валяются дамские романы или детективы Хмелевской.

Мое туалетное чтиво в последние дни составляет книга «Против безопасности: почему у нас все не так в аэропортах, метро и других местах, где нам якобы угрожает опасность» известного американского социолога Харви Молоча, серьезно повлиявшего в свое время на политические науки и городские исследования. К «другим местам» относятся также и уборные — причем не только общественные. Хотя Молоч оговаривается, что по большому счету частных уборных не существует — туалет является частной территорией, временно взятой в займы у публичного пространства.

Общественный туалет, будучи сам местом гендерной и отчасти социальной сегрегации, подвергается серьезному давлению со стороны властей, которые видят в общественных уборных опасные и грязные места, где царят воры и насильники. Отчасти власти правы: злые языки говорят, что карьера экс-президента Украины Виктора Януковича началась именно в туалете — там он воровал у зазевавшихся мужчин шапки. В метро Нью-Йорка когда-то было более полутора тысяч общественных уборных, на момент написания книги там оставались лишь десятки. В московском метро, напомню, вообще нет публичных туалетов (они строились рядом с павильонами, но теперь от той сети мало что осталось), что оправдывается вопросами безопасности лишь отчасти — туалетов нет и не будет, чтобы не создавать дополнительную нагрузку на инфраструктуру и не привлекать людей. Поэтому так радикально сократили торговлю в метрополитене, буйно расцветшую в золотой век Дмитрия Гаева. (В принципе, правильным было бы решение убрать из подземки и бесплатный *Wi-Fi*.)

Исследование туалетов Молочем не основывается на широкой базе эмпирических данных, но по преимуществу на личных наблюдениях и беседах со специалистами. А потому опирается в основном на сохраняющую пуританские традиции — особенно в уголках, куда дух просвещения еще не добрался, — англосаксонскую культуру отправления большой и малой нужды. Здесь, в «обществе», разговор о туалете и его инфраструктуре до сих пор табуирован (как считает Молоч, но это вхо-

дит в противоречие с обилием туалетной лексики, которую сам же Молоч эксплуатирует; казалось бы, а откуда такому богатому вокабулярию взяться?). А потому объекты туалетной инфраструктуры — унитазы, биде и т. д. — выглядят так консервативно, их внешний облик практически не меняется целое столетие. Дизайнеру очень трудно вести диалог с заказчиком на эти темы. Так что тех проблем, с которыми могут столкнуться посетители японских ресторанов, чьи туалеты оборудованы какими-то космическими унитазами с гигантским числом кнопочек, Молоч не обсуждает. Многие феминистки выступают за окончательную отмену разделения санузлов по половому признаку, апеллируя к опыту установления равенства и компенсаторной дискриминации, а также жалуясь на то, что трансвестит, лесбиянка и гей неудобно себя чувствуют, когда оказываются перед визуально определенным соответствующими знаками жестким половым различием. Оно требует от представителя ЛГБТ срочно сделать выбор в пользу своей половой идентичности, причем в пространстве транзита между публичным и частным, где артикулируется гендерный статус, от определения которого желающий справиться нужду хотел бы уклониться. (Хорошей иллюстрацией для этого тезиса послужил бы фрагмент фильма «Джентльмены удачи», где герои Крамарова, Леонова и Вицина, переодетые в дамское платье, прячутся в мужском туалете.) Молоч же выступает как консерватор (он полагает, что разделение кабинок на мужские и женские необходимо сохранить) не столько из соображений безопасности, хотя и ради них: часть женщин вообще требует того, что-

бы из мужской половины туалета нельзя было бы ничего увидеть в женской его части. Более того (и я его здесь поддерживаю абсолютно), необходимо, чтобы в публичных местах, где практикуется разделение на «М» и «Ж», число женских уборных превышало число мужских в три или даже в четыре раза. Это связано не только с тем, что женщина больше времени проводит в туалете, но также и с тем, что у нее куда больше поводов для того, чтобы туалет использовать. Женская уборная должна быть просторнее мужской — не только потому, что женщине, как правило, необходимо больше места, но и потому, что она зачастую использует туалет не одна, а с ребенком любого пола, а также с подругой, где они могут вступать в неформальные социальные коммуникации — заниматься взаимным грумингом и т. п. (Именно поэтому хорошие дизайнеры дорогих общественных уборных стараются вешать зеркала на расстоянии от раковины, чтобы женские волосы не забивали слив.)

Борьба властей с «публичными туалетами», такими, например, как «Макдоналдс» и «Старбакс», где менеджеры дают персоналу инструкции, кого пускать в туалет, а кого — нет, не приводит к увеличению безопасности, скорее наоборот. Новопушкинский сквер Москвы напротив закрытого осенью 2014 года «Макдоналдса» мгновенно опустел, не спасли и акции столичного департамента торговли и услуг, организовывавшего в сквере торгово-развлекательные ярмарки. Меньше людей стало на Тверском бульваре. Публичные пространства, которые теряют людей, становятся опаснее. И это — кумулятивный процесс. Если сегодня сюда пришло меньше народу, то

завтра будет еще меньше. Страдают владельцы кафе и ресторанов, расположенных по сторонам бульвара, — меньше прохожих, которые невзначай готовы зайти, выпить и согреться или просто пообщаться. Общественный туалет напротив ТАСС на площади Никитские Ворота закрыт давно и, кажется, навсегда. А те бронированные общественные уборные цвета хаки, которые поставила столичная администрация, приспособлены только для того, чтобы отпугивать обывателей, а отнюдь не для комфортного справления нужды. Начальство, уничтожая публичные туалеты, очевидно позаимствовало решение проблемы безопасности у страуса. Город без общественных уборных опаснее города с таковыми. Здесь больше бомжей и меньше людей на улицах; здесь исчезают уличные торговцы, здесь меньше лавок, кафе и ресторанов, чьи хозяева заинтересованы в том, чтобы вокруг их заведений был порядок, и здесь нет зевак, пересечение ленивых взглядов которых останавливает воров и насильников куда эффективнее любых полицейских мер.

Впрочем, книга Молоча не о безопасных туалетах, а о безопасности в целом, о том, как нас утомила гонка властей в ее преследовании, и о том, как с таковой бороться.

Молоч показывает, что граждане зачастую сами намного лучше справляются с установлением безопасности, чем специально обученные люди. И более того, спасти порой людей или обеспечить безопасность можно, лишь нарушив должностные инструкции. Примеров подобного Молоч приводит множество — из истории про потоп в Новом Орлеане или трагедии 11 сентября. (А одна из глав,

посвященная работе общества с коллективной травмой, — фрагмент книги о проектах застройки пустыря на месте обрушившихся зданий Мирового торгового центра в Нью-Йорке — пересекается с размышлениями известного гуру архитекторы Люббеуса Вудса об урбанистике войны.)

Молоч выделяет сразу несколько гетерогенных — и конкурирующих — социальных логик, призванных сохранять и устанавливать порядок. Это логика должностных инструкций, разработанных экспертами и навязанных начальством; логика гражданского общества — на самом деле банальная логика обывателей; логика поведения профессионалов по соблюдению безопасности. (Другой, возможно, ее не стал бы выделять, поскольку поведение этих профессионалов, как правило, является компромиссом между инструкцией и здравым смыслом.) Эти три логики конкурируют и часто приходят в противоречие друг с другом. Молоч считает, что при прочих равных необходимо доверять обществу, пусть оно и не всегда безгрешно.

К этим трем режимам установления безопасности я бы добавил еще и четвертый, который неожиданно обнаружил в обсуждении итогов одного из секуритарных кейсов в фейсбуке у коллеги по философскому факультету МГУ. Суть истории, привычной для университета, состоит в печальном проявлении излишней жесткости охранников по отношению к сотруднику университета, просрочившему пропуск. Обсуждение истории в фейсбуке у «жертвы» (обычно обсуждения подобных историй носят технический характер либо вписаны в репрезентацию одной из логик, которые упоминает

Молоч) неожиданно приобрело моральный оттенок после появления в комментариях непосредственного руководителя «провинившегося». Руководитель указал, возможно в шутку, что его подчиненный, нарушивший невольно пропускной режим, достоин не только административных мер воздействия, но и... возвращения к практикам телесных наказаний! В этой шутке начальника не все, очевидно, шутка. Административный порядок контроля привлекает на свою сторону, пытаюсь изъять подобные аргументы у общества, мораль. Тот, кто нарушает часто неясные административные установления и инструкции, не только совершает административный проступок, но, с точки зрения руководителей, также ведет себя аморально, и для его осуждения необходимо привлекать и само общество.

Нормативная логика инструкции хорошо справляется с рутинными ситуациями, но часто ломается или приводит к негативным последствиям именно в тех положениях, ради регулирования которых она создавалась. В нешаблонной ситуации логика административного контроля не производит безопасность, а, скорее, наоборот, выступает как акселератор опасной ситуации, примеров чему множество, и Молоч их также приводит. Слепое исполнение административных инструкций, как правило, препятствует действиям общества по восстановлению безопасности, а потому оно вдвойне опасно. Возможно, что четвертая логика — логика морального осуждения, которая является также ситуативным элементом, — это тень всегда отсутствующего в опасной ситуации авторитета, фигуры власти, расписавшей

инструкции и объявляющей виноватыми именно тех, кто заставляет эти инструкции вступать в действие, будь то случайный пассажир, дополнительный досмотр которого тормозит очередь, или просто человек, выглядящий немного неординарно, не так, как с точки зрения начальства должен выглядеть или вести себя любой. Логика безопасности — административная, гражданская или профессиональная — при чрезмерной артикуляции, воспроизводящей всеобщую подозрительность, заставляет субъекта чувствовать ничем объективно не спровоцированную вину, которая и показывает существование и действенность «четвертой логики безопасности», моральной логики, авторитет которой пытаются присвоить администраторы.

* * *

Существует очень интересная русскоязычная рецензия на книгу Молоча. Автор ее — довольно известный борец с жуликами в отечественной науке. Он уже пытался разрушить карьеру одного начинающего ученого, обнаружив в его диссертации превышающий нормы объем заимствований, то есть, грубо говоря, плагиата. Сей автор беспощаден к книге американского ученого. Вот что он буквально пишет:

...теоретическая слабость в дополнение к эмпирической узости помещает ее где-то ближе к сфере научной журналистики, чем к собственно науке².

2. Корбут А. Порядок на местах, или Борьба с безопасностью // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 3. С. 163.

Рецензент в существенной мере прав. Книга Молоча очень неровная, блестящие главы соседствуют со слабо сгенерированным объемом неясно как подобранного материала. Его рекомендации отрывочны, иногда забавны, а многословность временами раздражает. Впрочем, надо заметить, и те книги, которые создали Молочу научную репутацию еще в 1970-е, также не отличались излишней научной строгостью.

Недавно по сети распространялась ссылка на юмористическую страничку, на которой выложены «отказы» редакторов современных научных журналов и глав научных институций на статьи и заявления о приеме на работу классиков политической науки и социологии. Полагаю, что пришли Молоч свою статью в «Социологическое обозрение», ее бы также отказались печатать.

Ну что ж, русскому ученому виднее. Только вот книга живого классика американской общественной науки вряд ли нуждается в рецензии такого типа, какой демонстрирует наш автор из НИУ ВШЭ. Молоч не писал заявку на грант, его текст не претендует на публикацию в модном научном журнале вроде «Социологии власти». Это, в конце концов, не рукопись докторской диссертации.

Книга, которая так похожа на «научную журналистику» и встроена в совершенно иной коммуникативный контекст, — своего рода вклад в большую дискуссию о правомерности усиления

мер безопасности после трагедии 11 сентября. В частности, дискуссию о том, почему метро в Нью-Йорке стало куда более безопасным, чем ранее, — в результате ли политики «нулевой толерантности» или мобилизации «мягкой силы» самого общества. Увы, автор рецензии, который с высоты усвоенных техник ученой легитимации сетует на то, что Молоч незнаком с традициями символического интеракционизма, этнометодологии и критической этнографии, вероятно, сам испытал трудности с определением того, в какой именно «фрейм» встроена работа Харви Молоча. (Как и в случае с поиском плагиата у коллег по научному цеху, возможно, не учел, что деятельность создателей проекта «Диссернет» отнюдь не направлена на очищение науки от псевдоученых.) Эта книга — совсем не социология-для-социологов, не наука-для-науки, границы которой должны охранять «научные полицейские», принявшие чрезмерно близко к сердцу совсем недавно ставшие всеобщими стандарты научности, совпадающие с принципами, по которым научные журналы подбирают себе статьи. Ирония заключается в том, что против чрезмерной активности в применении инструкций со стороны такого рода «полицейских», как ее русский рецензент, и написана книга Молоча. Логика, которая при ее невоздержанном применении превращает полицейских в полицаев.

Вячеслав Данилов